

Как всегда, посвящается Съюзи

Часть первая

КРОВОПРОЛИТИЕ

1

Рок вместе со своими неизменными спутниками Злосчастьем и Горем постучался в дверь Томаса Блэкстоуна зябким туманным утром дня святого Уильяма¹ 1346 года.

Появление Саймона Чендлера, управляющего поместьем лорда Марлдона и вестника по собственному почину, не сулило свободному человеку на земле его господина плохого. Предупреждение молодому каменщику о выдаче грамоты на арест его брата говорило о благоволении к нему его светлости, отчего управляющий выглядел не столь хищным. Шанс парнишке сбежать от повешения. А за изнасилование и убийство Сары, дочери Малкольма Флоскли из соседней деревни, уж непременно должны повесить.

— Томас! — позвал Чендлер, привязывая лошадь к коновязи. — Где этот тупой ублюдок, твой братец? Томас!

Дом был глубиной в одну комнату, два с чем-то десятка футов в длину, с саманными стенами, изготовленными из глины, смешанной с соломой и навозом, с островерхой кровлей из местного камыша, побуревшей от возраста и поросшей мхом. Сквозь дыру в крыше тянулся дымок. Чендлер, пригнувшись под свесом

---

¹ 8 июня.

крыши, заколотил в дверь с железными петлями. Из тумана сбоку от коттеджа появилась фигура.

— Рановато вы, господин Чендлер, — сказал юноша с охапкой дров, настороженно глядя на блюстителя лорда Марлдона. С хорошим делом он бы не пришел — значит, жди беды.

При росте чуток повыше шести футов Томас Блэкстоун, трудившийся подмастерьем в каменоломне с семилетнего возраста, был сложен, как взрослый мужчина, неустанно использующий свое тело для тяжелых трудов. Темные волосы обрамляли открытое лицо, а в его карих глазах не было ни намека на подлость. Как и вся его кожа, лицо обветрилось, чуть ли не сравнившись цветом с его кожаной тужуркой, создавая впечатление, что он куда старше своих шестнадцати лет.

— Я здесь, чтобы предупредить вас. Выдан ордер на арест вашего брата. Люди шерифа уже в пути. Времени у вас в обрез.

Блэкстоун вгляделся в рассеивающийся туман; еще час-другой, и утреннее солнце прогонит его. Прислушался: нет ли топота копыт. Всадники приедут по накатанной колее, и подкованные железом копыта будут звенеть при ударе о ее кремни. Царила полнейшая тишина, не считая утреннего кукареканья. Коттедж расположен далеко за околицей, и будь у Томаса желание, он мог бы отвести брата в лес и дальше в холмы совершенно незаметно.

— С каким обвинением?

— Изнасилование и убийство Сары Флоскли.

У Томаса мучительно заныло под ложечкой, но он даже бровью не повел.

— Он не сделал ничего дурного. Незачем нам убежать. Спасибо вам за предупреждение, — с этими словами Блэкстоун положил нарубленные дрова у передней двери.

— Боже, Томас, я же знаю, его светлость не хочет, чтобы с головы твоего брата хоть волос упал. Ты его опекун, а его светлость всегда был добр к вам обоим со времени смерти вашего отца, но ответственность возложат на вас обоих. Тебя повесят вместе с ним.

— Ваш кузен еще ищет здесь хозяйничать? Ему будет сподручно, коли мы с Ричардом сбежим в холмы, аки тати. Наши десять акров его устроят.

Справедливость обвинения уязвила Чендлера.

— Дурень ты, дурень! От этого лорд Марлдон вас защитить не сможет.

— Его светлость всегда сказывали, что ежели человек невиновен, страшиться ему нечего.

Отвязав поводья от столба, Чендлер забрался в седло.

— Помнишь Генри Дреймана?

Того недолюбливали полдюжины деревень по всему краю. Суцая скотина в свои двадцать с чем-то лет, алчущий побеждать во всем, будь то петушинные бои или игра в кости. Брат Блэкстоуна то и дело побивал его на состязаниях лучников, но на прошлую Пасху Дрейман был унижен дальше некуда, когда Ричард одолел старшего поединщика в борьбе. Потерпев поражение от мальчишки почти на десять лет моложе него, Дрейман поклялся отомстить и теперь как-то исхитрился этого добиться.

— Твой выродец-братец еще до исхода дня будет болтаться на веревке. Он будет реветь от ужаса. Тупой ублюдок.

Шагнув вперед, Блэкстоун без натуги сграбастал поводья коня и скрутил их, стиснув руки Чендлера ремнями до боли. Тот сморщился.

— Я уважаю ваш пост, господин Чендлер. Вы служите его светлости с прилежанием, но я молю вас заверить его, что ни я, ни мой брат не навлекли на его великое имя никакого бесчестья.

Он разжал хватку, и Чендлер повернул коня прочь.

— Дреймана поймали с ее лентами. Ее труп нашли на ниве ее отца. Это ведь туда ты ее водил, а? И твой братец. Господи, да вся окаянная деревня прелюбодействовала с ней, но прежде чем Дреймана вчера повесили, он успел возвести оговор.

Блэкстоун понял, что теперь суда шерифа не избежать. Приговоренный к смерти может обвинить своих врагов для смягчения участи — изобличить в своем преступлении другого, объявив его сообщником. При короле Эдуарде III попытки вне закона, но наделенные властью и полномочиями блюсти закон на местах никогда не чураются прибегать к ним, чтобы выудить признание. Неделя у столба, измаранного его же собственными испражнениями, без крохи еды и капли воды, и побои от рук людей шерифа наконец сломили дух Дреймана и развязали ему язык. С жизнью он уже распростился, но боль и страдания не смогли вытравить из него коварство. Он уйдет с этого света, прихватив с собой еще кое-кого — врага. Того, кто его унизил, чье имя отпечаталось у него на сердце, будто камнерез высек его собственной рукой.

— Цены на шерсть растут, — усмехнулся Чендлер. — Не пройдет и недели, как мой кузен будет пасти овец на твоих пажитях.

И пришпорил коня прочь.

Древесный дым, придавленный туманом, змеился прочь, ища выхода, но втуне. Блэкстоун понял, что покойник таки свершил месть. Цокот копыт неумолимо приближался.

Слишком поздно для бегства.

* * *

Томас еще успел предупредить брата, чтобы тот не сопротивлялся вооруженным людям, пришедшим его арестовать. Отрок издал подобие гортанного сто-

на, подтверждая, что понял. Брат и опекун был единственной опорой и утешением для глухонемого отрока. Для всех остальных он был немногим лучше вьючного животного, извечной мишенью для розыгрышей и издевательств. Кабы не Томас, Ричард Блэкстоун мог употребить свою силу, чтобы ринуться в драку и поубивать мучителей. Громоздкие размеры парнишки и этот громадный квадратный череп, поросший лишь легким пушком, служили подтверждением для всякого в окрестных деревнях, что он и в самом деле ошибка природы. Из-за кривой челюсти на его лице будто вечно красовалась идиотская ухмылка.

Его матери разрезали живот, чтобы извлечь чадо, и через считанные часы она скончалась от потери крови. Громадный новорожденный не издал ни звука и даже не моргнул, когда у него перед носом помахали факелом. Деревенская повитуха, помогавшая Энни Блэкстоун родить это нескладное существо на свет, сказала, что этого безмолвного младенца, шевелящего губами, надобно оставить на ночь на холоде, дабы скончался, и Генри Блэкстоун, терзаемый утратой супруги, согласился. У него на руках и без того уже осталось двухлетнее дитя, а этого чудовищного младенца надо предоставить природе. Той осенью 1332 года с востока дул студеный ветер. Ячмень снова не уродился, засуха задушила землю, а стылый воздух, по ночам оседавший преждевременным инеем, населял изголодавшееся человеческое тело ломотой. К полуночи лунный свет озарил искрящуюся землю. Выйдя на ячменную стерню, отец покинутого ребенка обнаружил, что сын еще жив. Гало вокруг луны мерцало небесным обручальным кольцом небес и земли, и Генри Блэкстоун поднял дитя с холодной земли. Жена научила воина, что нежность не подорвет его силы, а ее любовь отвела его от военных зверств. Подняв холодное тельце, он прижал его к обна-

женной груди, укутав в одеяльце, и подкинул дров в огонь.

Это его дитя. Оно имеет право на жизнь.

* * *

Схватив братьев, люди шерифа повезли их, связанных и скованных кандалами, в задке телеги через деревни и села в рыночный город. Колеса с железными ободьями прогрохотали через изрытую колеями рыночную площадь к городской тюрьме мимо трупы Дреймана, болтающегося на виселице. Вороны уже выклевали ему глаза и местами истерзали плоть до костей, попутно с корнем выдрав язык ненасытными клювами.

Солдаты швырнули братьев в деревянные клетки в самом холодном углу шерифского двора, куда не забирался даже теплый лучик солнца. Отрок почти по-звериному проскулил брату вопрос.

За многие годы Блэкстоун и его отец выработали способ общения с ущербным отпрыском с помощью простых жестов, чтобы успокаивать его и объяснять, что к чему. Куда ему идти, что делать и почему чужаки таращатся, а дети дергают его за рубаху. Местные селяне перестали издеваться над ним, как только насмешки утратили прелесть новизны, а сила отрока и виртуозное владение луком стали очевидны на ярмарках графства. Пусть его и звали деревенским дурачком, но он был *их* деревенским дурачком и приносил победу. Они жили в лачугах, умирали молодыми от болезней, тяжких трудов и войн, но выродок Ричард Блэкстоун, убогое дитя, наделял их чувством единственного доступного им успеха.

Притом неуклюжий отрок был отнюдь не полоумным; его взор и рассудок были остры, как наконечник бронебойной стрелы. Тот факт, что он был заточен

в безмолвии, вовсе не свидетельствовал, что ум его так же убог, как речь и слух. Он неустанно наблюдал за старшим братом и учился на его наставлениях, потому-то и ходил непременно на шаг позади левого плеча Блэкстоуна.

Теперь же он сносил насмешки стражей, просовывавших свои копыя сквозь решетку и загнавших его в угол, но он не мог увернуться от человека, помочившегося на него, когда он скорчился, чтобы укрыться от острых наконечников. Он видел, как Томас с искаженным от гнева лицом ухватился за решетку, ощерив зубы.

— Оставьте его в покое, ублюдки! — крикнул Блэкстоун, заработав тычок тупым концом копыя.

Впрочем, издеваться над убогим было не так уж и занимательно, так что скоро стражники снова разошлись по своим постам. Поглядев на брата, смердящий мочой отрок понял и выражение страдания на его лице, и его беспомощность. Уродливая челюсть Ричарда приоткрылась в более широкой ухмылке. Все эти перипетии были ему отнюдь не в новинку. Спустив штаны, он с презрением показал тюремщикам голый зад.

Томас Блэкстоун рассмеялся.

* * *

— Ты угодил в выгребную яму, и ни я, ни его светлость почти ничего не можем поделать, чтобы спасти твою шею от петли. Суд заседает сегодня, — сказал латник лорда Марлдона сэра Гилберт Киллбер. — Ты знаешь ничуть не хуже моего, что твой братец тряс гузкой с Сарой Флоскли больше времени, чем большинство всяких прочих во всем окаянном графстве. — Сэр Гилберт остановился перед клетками. — Я здесь, чтобы оказать какое-никакое влияние, но его свет-

лость не станет платить шерифский залог — а вернее сказать, давать взятку — за ваше освобождение, а у вас, осмелюсь предположить, вошь в кармане да блоха на аркане.

Сэр Гилберт подтянул пояс, отодвинув ножны подалее назад, и запахнул свою куртку с подкладом поплотнее, отчего ширина его плеч бросалась в глаза еще больше. Ростом воин почти не уступал Блэкстоуну, но его черты были далеко не так миловидны, как у юноши, даже не будь лицо сэра Гилберта рябым от оспы, своим видом усугубляя его устрашающую репутацию. В свои тридцать шесть лет он славился искусным владением мечом и копьем, и никто на свете не рискнул бы упрекнуть его в том, что он разговаривает с заключенными без разрешения шерифа — какового он и не спрашивал.

— Мой брат невиновен, — тряхнул головой Блэкстоун. — Он не убивал Сару Флоскли, вы и сами знаете, сэр Гилберт.

— Генри Дрейман заявил суду, что твой брат был с ним, когда он убил ее. Господи помилуй, мальчишка! Не будь так чертовски наивен. Он выдал сообщника, вот и все. Правосудие не имеет к справедливости никакого касательства, оно просто ищет кого-нибудь, виновного в преступлении. И неважно, кто это. Его светлость огорчен; нужно заканчивать южную стену, а ты тут гниешь в узилище шерифа, когда мог бы тесать камень. А есть и другие материи, тебя не касающиеся — пока. Ты пробыл здесь уже неделю, и меня оторвали от исполнения долга в другом месте. Ты доставил массу окаянных неудобств.

— Сожалею, сэр Гилберт. Я знаю, что вы собирали ренту для его светлости.

— Отсиживал задницу за столом, но не думай, что я поблагодарю тебя за освобождение меня от сего, равно как и от выслушивания всех и всяческих отговорок

под солнцем, отчего это заросшие коростой пейзажи вроде тебя не платят то, что должны.

— Я свободный человек, сэра Гилберта. Я сожалею, если доставил неудобства, — Блэкстоун улыбнулся. Рыцарь был знаком с его отцом, и они с лордом Марлдоном сражались рука об руку на Шотландских войнах.

— Истинно, у тебя будет иная ухмылка на лице, когда веревка затянется у тебя на шее еще до исхода дня. Христос всемилостивый, да твой брат всаживал свою стрелу в мишень столько раз, что и не сочтешь. Насколько часто отец девицы платил лейрвит? — спросил он, имея в виду штраф — некоторые называли его налогом, — взыскиваемый местным владыкой или аббатом с женщин, повинных в прелюбодеянии. — Что бы натаскать пса, надо задать ему взбучку. Мало он лупил эту сучку. Все окаянное графство знало, что она блудница, а ты и твой брат ей платили.

— Вы можете нам помочь, сэра Гилберта?

— Не знаю, — покачал головой сэра Гилберта. — Изнасилование и убийство. И то, что вы — свободные люди из владений лорда Марлдона, дает его врагам шанс ткнуть пальцем ему в глаз. Иисусе благий, не разорился же он, потеряв доход с потаскушки, а?

— Мой брат побил Дреймана на пасхальной ярмарке. Вот и все тут. Он не заслуживает за такое смерти.

— Ты его опекун, на тебя и возложат ответственность. Тебя я, может, и сумел бы спасти, но не его. Иисусе, они бы кинули его в собачью яму и травили псами, кабы могли. Повешение — еще милосердный исход.

Подожли с полдюжины стражников, не желавших пытаться судьбу с дюжим отроком.

— Их требуют, сэра Гилберта, — сказал один из передних.

— Погодите, — полуобернулся сэра Гилберта, — я еще не закончил.